
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

*В.Д. Рузанова****СИСТЕМНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ОЦЕНКА НОВЕЛЛ ГК РФ**

Статья посвящена вопросам обеспечения системности гражданского законодательства в условиях его значительного обновления. Указанные вопросы исследуются автором с учетом легальных нововведений в сферах недействительности сделок, института юридических лиц, общих положений об обязательствах. На базе проведенного анализа делается вывод о том, что новеллы в названных областях не в полной мере отвечают потребностям системности гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское законодательство, недействительная сделка, юридическое лицо, обязательство, закон, иной правовой акт.

Современный период развития гражданского законодательства характеризуется интенсивной новеллизацией многих его институтов. Поскольку внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации осуществляется отдельными законами, то весьма актуальным в таких условиях становится вопрос об обеспечении необходимого уровня системности гражданского законодательства. Гражданско-правовая законодательная система является многоуровневой и имеет сложную структуру, которая выступает в горизонтальной (подотрасли, институты и пр.) и вертикальной плоскостях (построение нормативного материала по иерархическому принципу – в зависимости от юридической силы нормативных правовых актов). По справедливому утверждению Ю.А. Тихомирова, целостную систему нормативного регулирования выстроить довольно сложно, поскольку налицо «необозримость» действующих актов и правил, с одной стороны, хаотичность их образования и несогласованность между собой – с другой, и забвение системного подхода к иерархическому построению права и

---

* © Рузанова В.Д., 2015

Рузанова Валентина Дмитриевна (vd.ruz@mail.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

законодательства приводит к нарушению последовательности в принятии разных правовых актов [1, с. 97].

Сегодня можно утверждать, что ГК РФ впервые в отечественной законодательной практике сделал попытку построить целостную гражданско-правовую законодательную систему. Это выражается, прежде всего, в положениях ст. 3 ГК РФ, закрепляющих соотношение нормативных правовых актов различного уровня, и в наличии во множестве его статей отсылок к законам и иным правовым актам. Кроме того, проблема системности гражданского законодательства в условиях его интенсивного обновления имеет и другой аспект, состоящий в установлении внутренней согласованности правового регулирования. Имеется в виду ситуация, когда во взаимосвязанных статьях Кодекса предлагаются различные легальные решения одного и того же вопроса. Проанализируем некоторые положения федеральных законов, которыми внесены изменения в институты недействительности сделок, юридических лиц и общих положений об обязательствах с точки зрения достижения ими цели обеспечения системности гражданского законодательства [2; 14–15].

Относительно института недействительности сделок несогласованность правового регулирования, в частности, можно продемонстрировать на примере неоднозначности содержания употребляемого в ст. 3 ГК РФ и ст. 168 ГК РФ («Недействительность сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта») (в ред. ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ) словосочетания «требования закона или иного правового акта». По смыслу ст. 3 ГК РФ под законами понимаются только федеральные законы, а под иными правовыми актами – указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Формально именно в таком значении должна толковаться и ссылка в ст. 168 ГК на законы и иные правовые акты. Отметим, что в теории и на практике до внесения соответствующих изменений в ГК РФ велся и в настоящее время продолжает вестись спор об «объеме» приведенной конструкции. Так, одни авторы включают в состав таких актов не только нормативные, но и индивидуальные правовые акты [3, с. 510–511], другие – все надлежаще установленные нормы гражданского законодательства РФ, в том числе нормы международного права, которые являются составной частью правовой системы РФ [4, с. 476]. Если применительно к толкованию используемых в ст. 168 ГК РФ терминов исходить из формулировки ст. 3 ГК РФ, то на договор лизинга, например, заключенный с нарушением требований Конвенции УНИДРУА «О международном финансовом лизинге» от 28 мая 1988 (Оттава) [5, ст. 4040], ст. 168 ГК не распространяется.

Судебная практика демонстрирует различные подходы относительно круга актов, нарушение требований которых влечет необходимость обращения к данной статье. Так, в определении Верховного Суда РФ от 13 декабря 2011 г. № 5-В11-116 указывается, что положения ст. 168 ГК РФ о недействительности сделок должны применяться при их несоответствии требованиям всех перечисленных в ст. 3 ГК РФ правовых актов, содержащих нормы гражданского права, к которым относятся и акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти [6]. В другом судебном акте – постановлении Президиума ВАС РФ от 20 июня 2010 г. № 2142/10 – со ссылкой на ст. 3 ГК делается вывод о том, что в ст. 168 ГК РФ под законами, содержащими нормы гражданского права, понимаются лишь ГК РФ, иные федеральные законы, а под иными правовыми актами – указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Акты же министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, органов субъектов РФ и органов местного самоуправления к таковым не относятся [7]. Заметим, что изложенные позиции основываются на различном толковании одной и той же статьи – ст. 3 ГК РФ.

Кроме того, по результатам анализа ст. 168 ГК РФ в теории сделаны выводы о том, что применение положений данной статьи должно происходить не только при нарушении гражданско-правовых норм, но и в случае несоблюдения норм других отраслей права [8]. Аналогичного взгляда придерживается и судебная практика. Так, в определении ВАС РФ от 2 марта 2011 г. № ВАС-1723/11 [7] признаются правильными акты судов нижестоящих инстанций, на основании ст. 168 ГК РФ пришедших к выводу о недействительности государственного контракта, противоречащего нормам бюджетного законодательства. Положения указанной статьи применяется также в других делах, когда установлено нарушение договором предписаний бюджетного законодательства [9], к ней обращаются и при рассмотрении дел о нарушении таможенного законодательства [10] и др.

Полагаем, что, исходя из назначения ст. 168 ГК РФ, употребляемое в ней словосочетание («требования закона или иных правовых актов») не следует сводить только к нормам, содержащимся в федеральных законах, указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ (ст. 3 ГК). Отметим, что иногда и сам ГК РФ говорит о нарушении требований нормативных правовых актов министерств и иных федеральных органов исполнительной власти как основании недействительности сделки. Например, согласно п. 2 ст. 835 ГК РФ, в случае принятия денежных средств юридического лица на условиях договора банковского вклада лицом, не имеющим на это право, или с нарушением порядка, установленного законом или принятыми в соответствии с ним банковскими правилами, такой договор является недействительным. Недействительными должны признаваться и условия договора, противоречащие правилам перевозки, издаваемым транспортными министерствами. Если же толковать используемые в ст. 168 ГК РФ термины «закон» и «иной правовой акт» исключительно в значении ст. 3 ГК, то мы неизбежно должны прийти к выводу о том, что нарушение требований международных источников и ведомственных актов не является основанием для недействительности сделки. Однако это противоречит приведенным нормам, действительному смыслу указанной статьи, вытекающему из ее назначения, и ведет к необоснованному сужению сферы ее применения. Считаем, что устранить отмеченное несоответствие в правовом регулировании можно путем внесения в ст. 168 ГК РФ указания на нарушение норм права без перечисления источников их закрепления. Как видим, несогласованность в гражданско-правовом регулировании в рассмотренном аспекте выступает как несоответствие «объема» легального понятия, закрепленного в качестве общеправового, «объему» его использованию в отдельных институтах.

Рассмотрим вопрос о необходимости поддержания соответствующего уровня системности гражданского законодательства через призму предлагаемого ГК РФ одного из способов построения целостной гражданско-правовой законодательной системы, состоящего в наличии во множестве его статей отсылок к законам и иным правовым актам. Отметим, что сделанные в ГК РФ отсылки к иным актам являются тем «ключом», который позволяет правовое пространство «открыть». Они отражают стремление законодателя преодолеть «эффект замкнутой системы». И это не случайно, поскольку, по меткому выражению Р. Кабрияка, «никакой замкнутый мир не может долго оставаться самодостаточным» [11, с. 178]. В связи со сказанным вполне уместно привести соображения С.В. Полениной, считающей интересным вопрос о содержащихся в ряде основополагающих законодательных актов обязательных для будущего законодателя указаниях о структуре законодательства в той или иной сфере [12, с. 20].

В зависимости от уровня актов все отсылки, имеющиеся в ГК, можно разделить на две основные группы: это отсылки к закону (например, п. 2 ст. 49 ГК РФ) и отсылки к закону и иным правовым актам (например, п. 4 ст. 49 ГК РФ). Иногда говорится

только об иных правовых актах, в частности, о постановлениях Правительства РФ, например, в абз. 2 п. 1 ст. 54 ГК РФ. Такая градация означает, что гражданско-правовое пространство представляет собой разноуровневую среду. В юридической литературе факт включения в отдельные статьи ГК отсылок к «закону» оценивается в качестве важной меры по повышению роли закона в регулировании имущественных отношений. В частности, отмечается, что тем самым исключается регулирование соответствующих отношений подзаконными актами; существенно расширяется сфера прямой законодательной регламентации; предусматривается создание системы согласованных конкретных законов, опирающихся на единую законодательную базу [13, с. 102–103].

Анализ текста статей, содержащих отсылки к «закону», позволяет констатировать, что в ГК РФ используются различные формулировки: в одних случаях называется конкретный закон, в других — говорится о законах в определенной сфере, а в третьих — употребляется слово «закон». Иногда имеются и отсылки к законодательству, в частности, к законодательству о несостоятельности (банкротстве) (абз. 2 п. 6 ст. 61, абз. 2 п. 4 ст. 62, п. 3 ст. 63 ГК). Каждый из приведенных способов отсылки имеет право на существование, поскольку гражданско-правовое регулирование как сложный и многоуровневый механизм инвариантен. Анализ соответствующих легальных новелл свидетельствует о том, что сейчас имеет место тенденция по расширению сферы гражданско-правового регулирования иными правовыми актами. Например, в сфере юридических лиц, институт которых претерпел существенные изменения (ФЗ от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ), иными правовыми актами (наряду с законом) регулируется целый ряд вопросов, в том числе устанавливаются особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах (п. 4 ст. 49 ГК РФ), определяется действие органов юридического лица (п.п. 1 и 3 ст. 53 ГК РФ), вводятся исключения из правил о судьбе имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов (п. 8 ст. 63 ГК РФ). Кроме того, относительно особенностей правового положения акционерных обществ, созданных путем приватизации государственных и муниципальных предприятий, говорится и об иных правовых актах о приватизации этих предприятий (абз. 2 п. 3 ст. 96 ГК РФ). Нельзя не заметить некую произвольность выбора отношений, регулирование которых наряду с законом может осуществляться и иными правовыми актами. Например, какая была необходимость включать иные правовые акты в нормативную базу функционирования органов юридического лица, если сам порядок их образования и компетенция определяются исключительно законом и учредительным документом? Далее, в чем заключается смысл указания в п. 3 ст. 53 ГК РФ на иные правовые акты (наряду с законом и учредительным документом) как на источники полномочия того или иного лица выступать от имени юридического лица? О каких лицах здесь идет речь, если способы реализации правосубъектности юридических лиц носят исчерпывающий характер и прямо указаны в ГК РФ? В связи с этим скажем, что нельзя согласиться с позицией законодателя в том, что орган является представителем юридического лица. Такой подход не просто противоречит его действительному положению как части юридического лица, но и приводит к необходимости пересмотра (при отсутствии к тому каких-либо оснований) самих основ цивилистической доктрины, касающихся субъектов гражданского права. Чем, например, можно объяснить позицию законодателя, установившего, что судьба имущества юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, может определяться не только законом и его учредительным документом, но и иными правовыми актами?

Складывается впечатление, что отсылки к иным правовым актам сделаны как бы «на всякий случай», что нельзя признать верным.

Полагаем, что необходимо принципиально определиться относительно уровней правового регулирования и состава законодательства в сфере юридических лиц. Считаем, что первостепенной должна быть цепочка: ГК РФ – специальный закон (если в его принятии есть потребность). В эту цепочку не должны «вклиниваться» иные законы, которые затрагивают предмет специального закона. Именно путем внесения изменений в специальный закон достаточно оперативно можно учитывать меняющиеся жизненные потребности в данной области.

Вместе с тем считаем, что поскольку юридические лица как субъекты гражданского права действуют в гражданском обороте не только на основе ГК и законов о юридических лицах, но и других законов, то отсылки в главе 4 ГК РФ к «закону», безусловно, должны иметь место. В целом такая отсылка «удобна» в том смысле, что она делает правовое пространство открытым. Это выражается в определении случаев, допускающих установление «законом» иного правила по сравнению с общим правилом или исключения из него. Указанный способ, с нашей точки зрения, в известной мере нейтрализует свойство любого кодекса, по выражению Р. Кабриака, «запирать правовое пространство» [11, с. 170]. Как участники гражданского оборота указанные субъекты подчиняются также и общим правилам, закрепленным в ГК, поэтому в названной главе такие отсылки должны носить строго целевой характер, заключающийся в урегулировании особенностей их функционирования. Каждая из отсылок к «закону» должна быть содержательно согласована с отсылками к специальным законам, иначе в сфере юридических лиц будут появляться все новые и новые законы, затрагивающие те или иные стороны их деятельности, применение которых будет определяться только правилами о действии закона во времени, что может разбалансировать нормативное регулирование.

В ГК необходимо «зафиксировать» место специального закона в системе законов, устанавливающих статус юридического лица, которое должно заключаться в том, что между последним и ГК не должно быть иного закона. Для этого в случае если правовое положение того или иного юридического лица наряду с ГК дополнительно устанавливается специальным законом, в статье, где устанавливается понятие этого субъекта, должны содержаться наименование закона и указание на то, что гражданско-правовое положение такого юридического лица в части, не урегулированной Кодексом, определяется данным законом. Другие же законы могут регулировать только те отношения, которые не относятся к предмету специального закона, и при условии, что на такую возможность их издания указывается в ГК РФ.

С учетом изложенного выскажем ряд принципиальных соображений относительно формирования нормативной составляющей института юридических лиц. Прежде всего, предлагаем внести в п. 4 ст. 49 ГК РФ общее положение о том, что особенности гражданско-правового положения юридических лиц определяются в соответствии с Кодексом законами о юридических лицах (формулировка п. 4 ст. 53 ГК РФ). Отсылки к «закону» в названной норме не требуется, поскольку если не предполагается принятие специального закона о конкретной организационно-правовой форме юридического лица, то имеется в виду, что правовой статус такого субъекта (включая особенности его гражданско-правового статуса) полностью определяется в ГК РФ. Представляется нелогичным в отношении одних юридических лиц закреплять особенности их гражданско-правового положения в «специальном законе», а в отношении других – в «законе». Однако предложенный вариант правового нормирования не исключает отсылок к «закону» в отдельных статьях ГК о юридических лицах, но при том непременном условии, что предмет последнего не будет пересекаться с предметом

специального закона или же не будет носить специальный характер (по содержанию) в отношении тех юридических лиц, статус которых определяется только в ГК. Далее, применительно к отдельным организационно-правовым формам юридических лиц в статье, закрепляющей их понятие, следует указывать конкретный состав соответствующего законодательного блока.

В сфере гражданско-правовых обязательств, подвергшихся значительной новеллизации, несогласованность правового регулирования можно продемонстрировать на примере соотношения действия общих и специальных норм применительно к договорным обязательствам. Согласно 307.1 ГК (Применение общих положений об обязательствах), общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Кодексе и иных законах. Таким образом, даже если такие специальные правила находятся не в ГК, а в ином законе, то все равно нормы этого закона о конкретном договоре будут иметь приоритет в применении по отношению к общим положениям ГК РФ об обязательствах. Примером может служить Федеральный закон 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который закрепляет самостоятельную договорную форму в области долевого строительства. При отсутствии специальных правил о конкретном договоре действуют общие положения ГК РФ о договоре. Таким образом, общие положения об обязательствах применяются в третью очередь. Однако в п. 3 ст. 420 ГК предлагается несколько иной вариант соотношения уровней правового регулирования обязательственных отношений. В соответствии с указанным пунктом к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (статьи 307–419), если иное не предусмотрено правилами главы 27 (Понятие и условия договора) и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в Кодексе. Во-первых, здесь в отличие от ст. 307.1 не устанавливается «очередность» применения правил подраздела 2 раздела III (Общие положения о договоре) и содержащихся в ГК правил об отдельных видах договоров. Более того, используемая в п. 3 ст. 420 ГК формулировка наводит на мысль о «первичности» норм общих положений о договоре. Во-вторых, относительно правил об отдельных видах договоров имеется несогласованность в определении источников их установления: в ст. 307.1 ГК речь идет о нормах, содержащихся в ГК и иных законах, а в п. 3 ст. 420 ГК — только в ГК. Более того, обе указанные нормы не согласуются с положениями ст. 421 ГК РФ (в редакции ФЗ от 08.03 2015 г. № 42-ФЗ). Согласно п.п. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ правила об отдельных видах договоров могут быть предусмотрены законом или иными правовыми актами. Интересно также отметить, что здесь ГК как источник установления положений об отдельных видах договоров вообще не указывается. Конечно, можно предположить, что словом «закон» в данном случае охватывается и ГК, однако тогда возникает вопрос: почему в других статьях последний называется наряду с законом? Следовательно, ныне действующая редакция ГК в части формирования системы нормативных правовых актов, в которых определяются правила об отдельных видах договоров, не отвечает требованию согласованности правового регулирования.

Следующим примером, демонстрирующим такую несогласованность, является регламентация в ГК осуществления некоммерческими организациями приносящей доход деятельности. Рассмотрим эту проблему через призму современной регламентации институтов юридических лиц и обязательств. Как известно, ГК не содержит определения предпринимателя, а говорит только о лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность. К таким лицам относятся коммерческие организации, по-

сколько они создаются с целью извлечения прибыли, а также индивидуальные предприниматели. Согласно прежней редакции п. 3 ст. 50 ГК РФ, субъектами предпринимательской деятельности могли выступать и некоммерческие организации. В соответствии с изменениями, внесенными в данный пункт ФЗ 5 мая 2014 года № 99-ФЗ, некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Таким образом, законодатель в отношении указанных юридических лиц ввел специальный вид деятельности, который по своему правовому режиму, очевидно, должен отличаться от предпринимательской, иначе его установление не имело бы смысла. Скажем также, что конструкция «приносящая доход деятельность» не является новой для ГК РФ, поскольку до внесения соответствующих изменений она употреблялась в ст. 298 ГК применительно к учреждениям. В связи с этим возникают два вопроса: каким правилам такой вид деятельности должен подчиняться, т. е. распространяются ли на нее нормы, устанавливающие особенности предпринимательских отношений и, в первую очередь, обязательств, и приобретают ли некоммерческие организации статус предпринимателя в случае осуществления этой деятельности? В новой редакции ст. 50 ГК указывается, что некоммерческая организация для осуществления приносящей доход деятельности (за исключением казенного и частного учреждений) должна иметь достаточное для ее осуществления имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью (п. 1 ст. 66.2 ГК). Такой подход к регулированию косвенно подтверждает стремление законодателя в определенной части приравнять правовое регулирование приносящей доход деятельности к режиму предпринимательской деятельности. Однако проблема остается, поскольку нормирование первого вида деятельности страдает неопределенностью, «не вписывается» в существующую логику ГК, что может повлечь серьезные трудности при правоприменении. Кроме того, в отношении автономных некоммерческих организаций законодатель говорит об их праве заниматься предпринимательской деятельностью путем создания для ее осуществления хозяйственных обществ или участия в них (п. 5 ст. 123.24. ГК РФ). На основе формулировки п. 5 ст. 123.24. ГК РФ и с учетом его нормативного единства с п. 4 ст. 50 ГК РФ можно сделать вывод о том, что в исключение из общего правила указанные некоммерческие организации могут заниматься как предпринимательской, так и приносящей доход деятельностью. Трудно объяснить, чем обусловлена такая правовая регламентация. Более того, по своему содержанию п. 5 ст. 123.24. ГК РФ является внутренне противоречивым. С одной стороны, он предоставляет право заниматься предпринимательской деятельностью самому некоммерческому юридическому лицу, а с другой — закрепляет положение о том, что такая деятельность осуществляется другими субъектами — хозяйственными обществами. Между тем право заниматься предпринимательской деятельностью означает не что иное, как право осуществлять такую деятельность. Исходя из этого, применительно к автономной некоммерческой организации в качестве предпринимательской деятельности следует рассматривать создание хозяйственных обществ и участие в них. Однако это противоречит понятию предпринимательской деятельности, закрепленной в ст. 2 ГК, поскольку такая деятельность может выражаться только в пользовании имуществом, продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг и осуществляться лицами, зарегистрированными в соответствующем качестве. Полагаем, что в ГК необходимо внести норму о том, что на приносящую доход деятельность некоммерческих организаций распространяются правила ГК, устанавливающие порядок осуществления предпринимательской деятельности, за исключениями, установленными ГК. Эта идея нашла фрагмен-

тарное воплощение в новой редакции п. 1 ст. 426 ГК РФ, где речь идет о лице, осуществляющем предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, как о стороне публичного договора, производящей продажу товаров, выполняющей работы либо оказывающей услуги. Однако в ГК имеются и другие договоры, одной или обеими сторонами которого выступают лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, например, договор поставки (ст. 506 ГК). При таком подходе законодателя к правовому регулированию, когда отсутствует общая норма, определяющая режим деятельности, приносящей доход, юридических лиц, осуществляющих такую деятельность, субъектами предпринимательских договоров формально считать нельзя.

Исследуемая проблема не ограничивается только рамками «субъектного» состава конкретных договоров, она значительно шире, поскольку предпринимательские обязательства имеют целый ряд принципиальных легальных особенностей, которые в совокупности создают их особый режим. Специфический субъектный состав предпринимательских обязательств не является их единственной отличительной особенностью. Эти обязательства базируются на принципиально иных началах, чем прочие гражданско-правовые обязательства. Конкретно это находит выражение в установлении презумпций, противоположных общим; в применении безвиновной (строгой) ответственности; в более широкой трактовке принципа диспозитивности; в дополнительных ограничениях свободы договора; в значительном влиянии на них норм публичных отраслей права; в наличии специальных институтов, таких как, например, коммерческое представительство и т. д.

В связи с этим вновь обратимся к положениям ФЗ от 08.03 2015 г. № 42-ФЗ и проиллюстрируем сказанное на примере новой интерпретация содержания принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. Заметим, что в ст. 310 ГК РФ под названным принципом понимается как собственно односторонний отказ от исполнения обязательства, так и одностороннее изменение его условий. Новая редакция указанной статьи предусматривает несколько вариантов применения данного принципа в зависимости от субъектного состава обязательства, а именно:

— общее правило, которое не изменилось, состоит в том, что односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются. При этом если ранее исключения из этого правила могли быть предусмотрены только законом, то теперь — и иными правовыми актами;

— применительно к обязательству, связанному с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, такой отказ допускается в случаях, предусмотренных Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором. Как видим, по такому обязательству право на односторонний отказ возможно установить и договором;

— относительно обязательства, связанного с осуществлением не всеми его сторонами предпринимательской деятельности, право на такой отказ может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне.

Введение на легальном уровне детальной дифференциации режима обязательств в зависимости от принадлежности субъекта к рангу предпринимателя с неизбежностью актуализирует вопрос о возможности участия в них некоммерческих юридических лиц.

Интересное положение закреплено в п. 3 статьи 310 ГК, устанавливающим, что в предпринимательских обязательствах это право может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне

обязательства. Таким образом, здесь речь идет о совершенно новом правовом «феномене» — о платности права на односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий. В ГК также введена новая статья 317.1 (Проценты по денежному обязательству), в которой устанавливаются дополнительные особенности денежных обязательств в предпринимательской сфере. Согласно п. 1 данной статьи, кредитор по денежному обязательству, сторонами которого являются коммерческие организации, имеет право на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами. Причем условие обязательства, предусматривающее начисление процентов на проценты, является ничтожным, за исключением условий обязательств, возникающих из договоров банковского вклада или из договоров, связанных с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности (п. 2 ст. 317.1 ГК). Изложенные правила следует отличать от положений ст. 395 ГК, в которых речь идет об ответственности за пользование чужими денежными средствами. Неопределенность правового режима деятельности, приносящей доход, не позволяет распространить на нее приведенные, а также иные нормы о предпринимательских обязательствах.

Системность гражданского законодательства является важнейшим фактором, определяющим эффективность правового регулирования, поэтому на современном этапе его совершенствования обеспечение содержательной согласованности вводимых (новых) норм между собой, а также последних с существующими нормами приобретает первостепенное значение.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 97.
2. ФЗ от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. М.: Юрайт-Издан, 2004. С. 510–511.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2006. С. 476.
5. СЗ РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.
6. Определение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2011 г. № 5-В11-116. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2014).
7. Определение ВАС РФ от 2 марта 2011 г. № ВАС-1723/11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
8. Постатейный комментарий к главе 9 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
9. Определение ВАС РФ от 14 ноября 2007 г. № 11567/07. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013 г.); постановление Президиума ВАС РФ от 5 апреля 2006 г. № 15061/05. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
10. Определение ВАС РФ от 24 августа 2011 г. № ВАС-10564/11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2013).
11. Кабрияк Р. Кодификация / пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. С. 178.
12. Поленина С.В. Система советского законодательства // Советское государство и право. 1975. № 11. С. 20.

13. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 102–103.

14. ФЗ от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

15. ФЗ от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Normative regulation: takeoff or crisis? *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2006, no. 4, pp. 97 [in Russian].

2. Federal Law dated 07.05.2013 № 100-FL «On amendments to subsections 4 and 5 of section I of part one and Article 1153 of part three of the Civil Code of the Russian Federation» *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2013, no. 19, Art. 2327 [in Russian].

3. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation: In 3 Vols. Vol. 1. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part 1. T.E. Abova and A.Yu. Kabalkina (Eds.); Institute of State and Law. M., Iurait-Izdan, 2004, pp. 510–511 [in Russian].

4. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part 1 (itemized). O.N. Sadikov (Ed.). M., Iuridicheskaia firma «KONTRAKT»: INFRA-M, 2006, p. 476 [in Russian].

5. Legislation Bulletin of the Russian Federation, 1999, no. 32, Art. 4040 [in Russian].

6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13 December, 2011 № 5-V11-116. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 01.12.2014) [in Russian].

7. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 2 March, 2011 № VAS-1723/11. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

8. Itemized commentaries to Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. P.V. Krasheninikov (Ed.). M., Statut, 2009. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

9. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 14 November, 2007 № 11567/07. The document has not been published. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian]; Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 5, 2006 № 15061/05. The document has not been published. *Access from legal reference system «Consultant Plus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

10. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 24 August, 2011 № VAC-10564/11. The document has not been published. *Access from legal reference system «ConsultantPlus»* (accessed 03.06.2013) [in Russian].

11. Kabriyak R. Codification. Translated from French by L.V. Golovko. M., Statute, 2007, pp. 178 [in Russian].

12. Polenina S.V. The system of Soviet legislation. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and the right], 1975, no. 11, p. 20 [in Russian].

13. Civil law: textbook: in 4 Volumes. Vol. 1: General part. E.A. Sukhanov (Ed.). 3rd ed., revised and enlarged. M., Volters Kluver, 2006, pp. 102–103 [in Russian].

14. Federal Law dated 05.05.2014 № 99-FL «On amendments to Chapter 4 of part one of the Civil Code of the Russian Federation and invalidating certain provisions of legislative acts of the Russian Federation». *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2014, no. 19, Art. 2304 [in Russian].

15. Federal Law dated 08.03.2015 № 42-FL «On amendments to part one of the Civil Code of the Russian Federation». *SZ RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2015, no. 10, Art. 1412 [in Russian].

V.D. Ruzanova*

**SYSTEMATICITY OF CIVIL LEGISLATION: ASSESSMENT
OF NOVELS IN RUSSIAN CIVIL CODE**

The article is devoted to the issues of procuring of systematic civil legislation under conditions of its substantial renovation. These issues are studied by author in consideration of legal innovations in the areas of transactions invalidity, legal entities institute, and general thesis on obligations. On the basis of carried out analysis, it is concluded that the novels in these areas do not fully meet the needs of systematicity of civil legislation.

Key words: civil legislation, invalid transaction, legal entity, obligation, law, other legal act.

---

* *Ruzanova Valentina Dmitrievna* (vd.ruz@mail.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.